

Искры высекаются не зря...

Победа на международном конкурсе «Зодчество-2005», бесспорно, окрылила команду, создавшую на Зоологической улице Государственный центр современного искусства. «Нам очень важно мнение коллег, профессионалов, мы еще никогда не были так высоко оценены», - сказал архитектор Никита Шангин и подчеркнул, что команда меньше всего думала о том, что делает что-то особенное, для вечности, а просто выполняла конкретную задачу. При этом проявились и мастерство, и жизненная позиция, и отношение к профессии, о чем говорил зодчий, отвечая на вопросы корреспондента.

- Никита Генович, объект, заслуживший «Хрустального Дедала», действительно коллективное творчество?

- Да, это заслуга всей команды, и я никогда не смогу разделить степень вклада и участия каждого. Я вообще считаю, что архитектура - коллективное творчество и здесь не бывает индивидуальных работ. Например, мой коллега Михаил Хазанов всегда подчеркивает, что его единственная личная работа - собственный дом в Подмоскowie. Моя же единственная личная работа - памятник Владимиру Ворошилову, основателю программы «Что? Где? Когда?», на Ваганьковском кладбище. Все остальное - всегда дело команды.

- Как получилось, что в ней оказался вдруг заказчик?

- О, это уникальный случай. Так удивительно сошлись звезды, что он стал одним из авторов. В процессе работы мы поняли, что он проявляет себя не просто как заказчик, а как очень заинтересованный человек, прекрасно понимающий специфику, чувствующий материал, тему, очень восприимчивый и четко представляющий, что он хочет получить в результате. И мы официально включили директора Центра современного искусства Михаила Борисовича Миндлина в нашу команду.

- Как рождалась идея? Спорили, конфликтовали?

- Еще как! Обсуждения и дискуссии бывали очень острыми. У нас было два полюса, взаимно друг друга уравнивающих. С одной стороны - Миша Миндлин, с другой - я, а над нами Миша Хазанов и Марина Реброва. Мы с Миндлиным постоянно спорили, в наших столкновениях высекались искры. Михаил Борисович - авангардист, художник, дизайнер, а я - консерватор и ретроград, не в сумасшедшем, конечно, плане, а просто традиционалист, и это вовсе не значит, что мне чужда современная пластика. Я глубоко благодарен своему учителю Степану Христофоровичу Сатунцу за то, что он внушил нам: не важно, какой стиль, важно, как пластически

выражается идея, насколько она органична.

- Но перед вами ведь стояла конкретная задача?

- Тема, разумеется, диктовала стилистику хай-тека, определенную, намеренную адресность, чтобы просвечивался образ Центра Помпиду в Париже. Мы не скрывали этого, а вполне сознательно шли на то, чтобы была некая реминисценция - Центр современного искусства в Москве из той же оперы, что и Центр Помпиду. Но это была как бы идеология. Конкретно же мы имели промышленное сооружение в жутком состоянии. Здание было давно брошено, долгое время стояло пустым... Поскольку это не был памятник архитектуры, его в принципе можно было бы и снести. Но формально это сделать было нельзя, потому что все средства были отпущены на капитальный ремонт. Поэтому все, что мы сделали (по сути это была реконструкция), формально выполнено в рамках капремонта: мы не строили здание заново, ничего к нему не пристроили, оно осталось в своих естественных габаритах... А то, что внутри изменилось планировочное решение, так его там просто не было, была пустая коробка.

- Насколько вашей команде удалось воплотить все задуманное в жизнь?

- Сейчас мы можем говорить только о первой очереди объекта, потому что производственное здание - лишь часть комплекса Центра современного искусства. В целом все получилось так, как нам хотелось. По всей видимости, грядет вторая очередь, которая, не скрою, вызывает у меня пока немало опасений. На первой очереди, где я был главным архитектором проекта, у меня одновременно началась работа по Большому театру, и в эскизных проработках второй очереди я пока не участвовал. Они делались без меня и вызывают много вопросов. Я уже говорил, что я ретроград и консерватор, поэтому категорически не согласен с моими коллегами, предлагающими высотный объем. Убежден, что это будет

крайне неблагоприятно для того объекта, который мы только что сделали. Высотный объем пластически раздавит его, и мне его жаль. Я не приемлю это идеологически, считаю, что такое сооружение будет крайне неблагоприятно воздействовать и на атмосферу зоопарка. У меня не было бы никаких возражений, будь этот объект, эта активная, агрессивная конструкция где-то в Митине, Бутове... Но ведь это центр города...

- Вы подчеркнули свое идеологическое несогласие с появлением высотных объемов в центре столицы. Какова ваша позиция?

- Я очень жесткий противник того, что происходит сейчас в московском градостроительстве. Речь не о транспортной урбанистике, а о пластическом изменении облика города, что приводит фактически к уничтожению исторической Москвы. Я категорически против этих тенденций и не приемлю ту стилистику, которая сейчас наводняет город, те достаточно гротескные исторические реминисценции в пластике архитектуры. В то же время у меня вызывают очень большие опасения крайние проявления авангардизма в историческом центре Москвы, когда они принимают агрессивные формы. Я принципиально против высотного строительства в пределах Камер-Коллежского вала.

- Какова роль строителей в осуществлении вашего проекта?

- Могу однозначно сказать, что объект не состоялся бы без Надара Канчели и его команды. Это тот самый случай, когда конструкция продиктовала здесь пластику. Нам нельзя было изменять объем, но мы никак не могли вписать в него конференц-зал. В то же время программа диктовала, чтобы выставочный зал, который занимает весь второй этаж, имел свободную планировку, без колонн и опор. Из-за этого мы не могли сделать

третий этаж, потому что в этом случае выставочный зал прошивался бы колоннами. И вот тут возникла идея подвесить конференц-зал над выставочным и таким образом исключить опоры. Вынести за наружные стены внешний каркас, опереть на него арочные фермы и к ним подвесить третий этаж с конференц-залом и кровлю. Идея возникла в течение первых десяти дней эскизных проработок. Как только определилось направление, все пошло четко, но реализовать такое решение без Надара Канчели мы вряд ли смогли бы.

- Я знаю, что вы выпускник МАРХИ 1976 года. Почему вы выбрали именно архитектуру?

- Может быть, благодаря русским народным сказкам, книжкам Ивана Билибина... А может быть, потому, что я родился и вырос в доме по Лаврушинскому переулку, 17, и пройти от нашего подъезда до входа в Третьяковку можно было за тридцать секунд. В то время билет в галерею стоил 10 копеек, и я ходил туда постоянно. Из окон квартиры был виден Кремль, панорама Боровицкого холма. С балкона своей квартиры я видел церковь Всех Скорбящих Радости на Большой Ордынке. Это одна из немногих московских церквей, которая никогда не закрывалась, и ее колокольный звон я слышал с детства. Может быть, все это вместе и сказалось, потому что интерес вначале возник именно к древнерусской архитектуре.

- Почему вы вначале отдали предпочтение реставрации?

- Я искренне думал, что реставрация и есть архитектура и что я буду именно реставратором. Семь лет проработал в научно-исследовательских проектных мастерских Всесоюзного объединения «Союзреставрация». За это время понял, что это все-таки не мое, хотя весьма признателен тем годам.

- Что же побудило потом уйти?

- В сфере реставрации творчество по большому счету криминально. Реставратор по сути дела обязан наступать себе на горло, когда ему хочется что-то сделать от себя. Реставрация - это наука, исследование, производство. Творчество там именно в исследовании, как у археолога, архивиста, ученого, оно аналитическое. И если архитектор занимается здесь формообразованием, то он начинает подменять собой документ.

Беседовала
Берта БУХАРИНА.

На снимке: Архитектор
Н. Г. Шангин.